

Сутягина Т.Е. (Екатеринбург, УрГПУ)
*Литературная репутация В. А. Соллогуба
в 80-е годы XIX века*

Аннотация. Значительное внимание в статье уделяется теоретическому рассмотрению понятия «литературная репутация» в трудах советских и российских исследователей. Анализируется механизм формирования (факторы) литературной репутации В. А. Соллогуба, сложившейся в 80-е годы XIX века. Выясняются причины того, почему последний роман писателя оказался незамеченным, а сам В. А. Соллогуб – забытым.

Ключевые слова: литературная репутация; романы; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

Sutyagina T.E. (Ekaterinburg, USPU)
Literary reputation of V. A. Sollogub in the 80s of the XIX century

Abstract. In this article the significant attention is paid to the theoretical consideration of the concept of “literary reputation” in the works of the Soviet and Russian researchers. There is the analysis of V. A. Sollogub’s forming mechanism (factors) of the literary reputation, which was established in the 80s of the XIX century. The reasons, why the last novel of the author was unnoticed as well as Sollogub was forgotten, are being figured out.

Keywords: literary reputation; novels; Russian literature; Russian writers; literary creation.

На сегодняшний день проблема литературных репутаций остаётся одной из недостаточно исследованных в литературоведении. Несмотря на наличие ряда трудов, зачастую посвящённых изучению литературных репутаций отдельных авторов, не в полной мере оформлены теоретико-понятийная база, а также блок, включающий в себя факторы формирования литературной репутации. Каждый исследователь делает акцент на определённом аспекте, что не позволяет рассмотреть данный феномен как целостное явление.

Само словосочетание «литературная репутация» встречается ещё в текстах конца XIX века. К примеру, в 1887 году А. П. Чехов в письме дяде М. Е. Чехову пишет: «Следствием такого роста моей *литературной репутации* является изобилие заказов и приглашений, а вслед за оными – усиленный труд и утомление» [Чехов, 1975, с. 16. Курсив наш. – Т. С.]. Однако в указанный период оно ещё не является понятием как таковым.

В 1920-е годы в среде представителей формальной школы русского литературоведения (Ю. Н. Тынянов, В. М. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и др.) появляется интерес к теоретическому изучению данного явления, однако без применения по отношению к нему номинации «литературная репутация». Так, Ю. Н. Тынянов в работе «Литературный факт» (1924) говорит о «литературной личности», подразумевая под данным понятием «явления стиля, которые приводят к *лицу* автора» [Тынянов, 1977, с. 268. Курсив автора. – Т. С.], таким образом акцентируя роль творческого, писательского начала.

Своеобразным «первооткрывателем» в данной области является И. Н. Розанов, в 1928 году предпринявший попытку теоретического осмысления феномена литературной репутации. «Рядом с историей и теорией художественной литературы, рядом с историей и теорией критики, – указывает исследователь, – намечаются новые области для изучения: *теория и история литературных репутаций*» [Розанов, 1990, с. 16. Курсив автора. – Т. С.].

И. Н. Розанов выделяет ряд явлений, которые можно назвать факторами, формирующими литературную репутацию писателя. Обозначим их следующим образом:

1) новаторский характер деятельности автора («Каждый крупный писатель рвёт паутину традиций. Если он без шума идет своей собственной дорогой, сам не замечая своего новаторства, долгое время его не замечают и другие» [Там же, с. 18]);

2) мнения «авторитетов»: поэтов и писателей-современников, критиков, историков литературы и пр. (При этом И. Н. Розанов акцентирует субъективность данного фактора: «Критика и даже сами поэты в своих оценках – рабы текущего момента и настроения» [Там же, с. 19]);

3) испытание временем («Кроме испытаний на успех у современников, писатель должен выдержать несравненно более

трудное испытание временем» [Там же, с. 100]; «Каждый критик нуждается в поправке. И эту поправку производит время» [Там же, с. 105]).

Далее исследователь в отдельных статьях предпринимает попытку описания литературных репутаций таких авторов, как А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, В. Г. Бенедиктов, Е. И. Алипанов и др. После работы И. Н. Розанова термин «литературная репутация» обретает статус литературоведческого понятия (несмотря на то, что до сих пор ни в одном специализированном источнике (словари, энциклопедии и пр.) нет статьи с соответствующим обозначением) и получает широкое распространение.

В советское время интерес к проблеме литературных репутаций сходит на «нет». Лишь в 80-е годы Ю. М. Лотман обращается к изучению соотношения текста и личности автора, его создавшего: «Биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений» [Лотман, 1992, I, с. 369]. В сущности, имея в виду нечто близкое к литературной репутации, исследователь использует понятие «литературная биография», что сводит весь спектр характеристик данного явления исключительно к личности автора как субъекта историко-литературного процесса. Однако на примере личности К. Ф. Рыльева Ю. М. Лотман отмечает важную роль в формировании того, что он называет «литературной биографией», социального статуса, не связанных с творчеством обстоятельств жизни писателя: «Нельзя не заметить, в какой мере изменился литературный статус Рыльева после казни на Кронверке Петропавловской крепости. Для поколения начала 1820-х гг., современников Пушкина, читателей типа Дельвига, Рылеев – второстепенный поэт, дарование которого более чем сомнительно... Для поколения Лермонтова и Герцена Рылеев стоит рядом с Пушкиным и Грибоедовым, став одним из первых русских поэтов» [Там же, с. 371].

В 2000-е годы данное понятие вновь привлекает к себе внимание исследователей. Едва ли не друг за другом появляются канди-

датские и докторские диссертации⁵, литературоведческие статьи, посвящённые изучению литературных репутаций разных авторов.

Ссылаясь на отсутствие чёткого определения понятия «литературная репутация», А. И. Рейтблат предлагает понимать под ней «те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части её участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели)» [Рейтблат, 2001, с. 51]. Исследователь определяет источники формирования данного феномена, разделяя их на два крупных блока:

1) «печатные, письменные и устные тексты автора (как художественные, так и нехудожественные, особенно автокомментарии к собственному творчеству);

2) печатные, письменные и устные высказывания других лиц об авторе».

Помимо собственно личности автора А. И. Рейтблат называет четыре типа «инстанций», определяющих литературную репутацию писателя:

1) литераторы и другие признанные авторитеты, которые «в своём кругу, в рамках литературного салона, кружка или общества выносят приговор писателю» [Там же, с. 52];

---

⁵ См., напр.: *Львова И. В.* Литературная репутация Ф. М. Достоевского в США: 1940-1960-е годы: дис. ... канд. филол. наук / КГПУ. Петрозаводск, 2000. 216 с.; *Гараев А. И.* М. П. Арцыбашев: история формирования литературной репутации: дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2008. 199 с.; *Селезнев М. Б.* Литературная репутация Ф. В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820-1840-х гг.: дис. ... канд. филол. наук / Магнитог. гос. ун-т. Магнитогорск, 2008. 183 с.; *Краюшкина Н. Н.* Литературная репутация А. С. Пушкина в 1830-е годы: дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 313 с.; *Трунин М. В.* Литературная репутация М. Н. Лонгинова 1850-1870-е гг.: дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. 210 с.; *Попов В. Н.* Н. Е. Струйский и проблема литературной репутации: дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 187 с.; *Бушканец Л. Е.* А. П. Чехов и русское общество 1880-1917 гг.: формирование литературной репутации: дис. ... докт. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2012. 630 с.; *Костионова М. В.* Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»): дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2015. 263 с. и др.

2) литературные критики, статьи (рецензии) которых означают официальное признание литературным сообществом;

3) реклама и рыночный успех книг («коммерческий успех книги мог обеспечить определенную репутацию, свидетельствуя о популярности у читателей») [Там же, с. 65];

4) «взаимодействие всех этих инстанций, а также, нередко, цензуры, политической власти, общественных организаций, церковных институтов и т. д.» [Там же, с. 52].

С. И. Чупринин предлагает устранить из понятия «литературная репутация» автора как субъекта её формирования («Если имидж – это образ, который сознательно или полуосознанно выстраивается самим автором и практически не зависит от мнения других людей, то репутация, как раз наоборот, только из этих мнений и складывается, являясь их суммарным производным, следствием отношения к автору в литературном сообществе, в читательских кругах»), видя в писателе лишь объект («По отношению к собственной репутации автор выступает только в роли её носителя, зачастую лишённого возможности поправить или изменить мнение, которое о нём уже сложилось в общественном сознании» [Чупринин, 2007, с. 498]).

Аналогично рассматривает роль автора в формировании литературной репутации и Л. Ф. Машковцева: «Вопрос творческой репутации – это, по существу, вопрос приятия или неприятия писателя аудиторией. Вряд ли можно найти хотя бы один пример, когда закрепившаяся за писателем литературная репутация была результатом его же целенаправленных действий. Репутация – это, прежде всего, оценка со стороны, объективная или субъективная, но в любом случае, мало зависящая от воли самого литератора, от его желания быть признанным современниками и не быть забытым потомками» [Машковцева, 2012, с. 176].

Л. Ф. Луцевич, напротив, акцентирует значимость личности самого автора: «В формировании литературной репутации определённую роль могут сыграть не только “чужие” суждения и оценки, но и сам автор, который так или иначе реагирует на современную ему критику» [Луцевич, 2013, с. 177].

Опираясь на мнения вышеназванных исследователей, в трудах которых явление литературной репутации получает теоретическое освещение, мы приходим к выводу о том, что литера-

турная репутация есть не что иное, как представление об авторе, сформировавшееся в обществе в определённый период, благодаря таким факторам, как:

- 1) произведения самого автора;
- 2) отзывы критиков и литературоведов;
- 3) позиция писателя в обществе (его мировоззренческие взгляды, общественная деятельность и пр.);
- 4) рыночный успех книг.

Кроме того, нам представляется, что, благодаря действию данных факторов, литературная репутация одного и того же автора в разные периоды может отличаться (как при жизни писателя, так и после его смерти).

В такой ситуации оказывается, например, В. А. Соллогуб. В 1840-е годы его литературная репутация складывается как нельзя лучше. Первая книга сочинений писателя «На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни» (1841) была встречена восторженными отзывами критики. К примеру, В. Г. Белинский, по достоинству оценивая мастерство автора, выделяет сборник В. А. Соллогуба «посреди различного хлама», восхищаясь «занимательностью содержания, живостью красок, изяществом рассказа».

Критик указывает на развивающийся талант В. А. Соллогуба: «Каждая повесть молодого писателя – новый шаг вперёд, и ... с каждым шагом его дарование мужает и укрепляется» [Белинский, 1954, V, с. 153]. Повесть «История двух калош», по мнению В. Г. Белинского, и вовсе «принадлежит к лучшим повестям, когда-либо написанным на русском языке» [Там же, с. 154]. Среди «сильных» черт автора критик называет наблюдательность, «изящество слога», его «естественную гибкость», «неподдельное, непринуждённое остроумие», «высокое красноречие» и т. д.

Столь высоко оценивая талант писателя, В. Г. Белинский высказывает пожелание собрать в одну книгу все повести, «доныне изданные особо или рассеянные по журналам» [Там же, с. 158], называя имя В. А. Соллогуба в ряду виднейших русских писателей: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и др.

Не остался незамеченным выход из печати второго издания сочинений В. А. Соллогуба «На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни» (1843), на который откликнулся И. В. Киреев-

ский. Давая краткую оценку творчества В. А. Соллогуба, критик отмечает уже сложившийся особый стиль писателя, повести которого «можно бы, кажется, узнать без подписи между всех других явлений нашей современной литературы по двум качествам: ... вкус и неподдельное чувство». С именем В. А. Соллогуба И. В. Киреевский связывает надежды на дальнейшее развитие литературы (и в частности жанра повести), указывая на такие достоинства писателя, как «язык простой и верный, рассказ живой, чувства в самом деле чувствованные и потому невольно передающиеся читателю» [Киреевский, 1984, с. 183].

В потоке произведений, публикуемых в 1843 году, второе издание сборника В. А. Соллогуба привлекает внимание и Н. А. Некрасова, по мнению которого, повести писателя отличаются «талантом безошибочно понимать жизнь и современную действительность, умным, глубоко проницательным взглядом, бросаемым на вседневные житейские случаи и мелочи, ... благородным, грустно насмешливым юмором» [Некрасов, 1989, XI, с. 105].

После публикации повести «Тарантас», традиционно считающейся лучшей повестью В. А. Соллогуба, Н. В. Гоголь пишет автору: «Я прочёл ваш “Тарантас” ещё с большим удовольствием в печати, чем прежде в рукописи. У вас всё зреет вместе: и ум, и слог, и наблюдательность, и мысли. Вам нужно только не останавливаться и писать». Возлагая на В. А. Соллогуба большие надежды, Н. В. Гоголь буквально умоляет его следовать своему предназначению: «Христа ради, не давайте заснуть вашей деятельности на этом поприще». «Всё вас обманет, и жизнь, и свет, и все привлекательности, привлекающие других людей, но на этом поприще вас ничто не обманет, – наставляет Н. В. Гоголь молодого писателя, – потому что это ваше законное поприще, и тут выполнять вы будете именно то, что определено свыше выполнять вам» [Гоголь, 1984, VIII, с. 230].

В. Г. Белинский дважды в 1845 году обращается к рассмотрению «давно ожидаемого публикою» «Тарантаса» В. А. Соллогуба, который «торжественно выкатился на пустынное поле современной русской литературы» [Белинский, 1955, IX, с. 7]. По мнению критика, новое произведение писателя – это «пёстрый калейдоскоп парадоксов, иногда оригинальных, иногда странных, заметок самых верных, наблюдений самых тонких, с

выводами, иногда поражающими своею истинностию, мыслей необыкновенно умных, картин ярких, художественно набросанных, рассуждений дельных, чувств горячих и благородных, иногда доводящих автора до крайности и односторонности в убеждениях. Это книга живая, пёстрая, одушевлённая, разнообразная» [Там же, с. 8].

Не обходит стороной публикацию соллогубовского «Тарантаса» и Н. А. Некрасов. Словами «радость», «удивление», «восторг» описывая эмоции людей, уже ознакомившихся с только что появившейся книгой, он подчёркивает, что «Тарантас» В. А. Соллогуба нарушил привычную скуку светского общества. Деревенский житель, получив «красивую, огромную, великолепную» книгу, раскрывает её «медленно, с тайным трепетом и замиранием сердца» и приглашает к чтению всю семью: «Ступайте сюда, ступайте все, все до одного, до одной... Будет дело для всех! Кто не умеет читать, будет слушать, будет смотреть. <...> Какая радость для всего семейства! На целую неделю, на целый месяц есть что читать, рассматривать, есть о чём говорить, спорить». Называя имя автора «Тарантаса» в одном ряду с такими писателями, как Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, Н. А. Некрасов отмечает всеобщий интерес читающей публики к новой повести: ««Тарантас», “тарантас”, “тарантас” – это слово слышите вы ежеминутно на всех устах» [Некрасов, 1989, XI, с. 197].

В отечественном литературоведении принято рассматривать творчество В. А. Соллогуба 40-х годов XIX века в рамках «натуральной школы», относя писателя к «гоголевскому направлению» в русской литературе⁶. Поскольку именно с «натуральной школой» критика круга В. Г. Белинского связывала прогресс в русской литературе и перспективы её развития, то понятна необычайная востребованность и актуальность творчества В. А. Соллогуба той поры.

---

⁶ См.: *Мани Ю. В.* Утверждение критического реализма. Натуральная школа // Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. М.: Наука, 1972. Т. 1. С. 234-291; *Кулешов В. И.* Натуральная школа в русской литературе XIX века. М.: Просвещение, 1982. 224 с.; *Проскурина Ю. М.* Натуральная школа в свете эволюции и типологии классического реализма. Екатеринбург: Издательство «АМБ», 2001. 75 с.

Однако уже во второй половине 1840-х годов В. А. Соллогуб отходит от «натуральной школы». На наш взгляд, это связано с тем, что писатель отнюдь не во всём разделял мировоззренческие и творческие принципы «гоголевского направления». Акцентируя прежде всего идейные разногласия между В. А. Соллогубом и представителями «натуральной школы», Л. М. Лотман утверждает: «Писатели, положительные идеалы которых шли вразрез с истинными интересами народа, большей частью были неспособны идти до конца в обличении социального зла. Характерен в этом отношении “Тарантас” Соллогуба, либерального аристократа, не свободного от влияния славянофильских и либерально-западнических идей» [Лотман, 1955, с. 532-533].

Рассуждая в «Тарантасе» о будущем России, В. А. Соллогуб и там «находил место и для помещиков-крепостников, и для аристократов, и для купцов. Им он отводил командные должности в государстве» [Там же, с. 533]. По замечанию Л. М. Лотман, писатель «сочувственно рисует крепостника, который топчется домой потому, что на крестьян “надо и прикрикнуть и по зубам съездить”». При этом В. А. Соллогуб «солидаризуется с мнением своего героя» [Там же, с. 533-534]. Очевидно, что такого рода авторская установка не могла не прийти в противоречие с принципами «натуральной школы».

Несмотря на видимый успех, подтверждённый многочисленными восторженными откликами критиков и читателей, В. А. Соллогуб уже после 1845 года постепенно отходит от «большой» литературы. «Пока в произведениях писателя ощущалась свойственная литературе тех лет критическая направленность, – пишут по этому поводу С. И. Ермоленко и Н. А. Валек, – современники им интересовались, связывая, вслед за Белинским, с его именем будущее русской литературы. Но время шло, в обществе всё острее ощущалась необходимость решения назревающих социальных вопросов. Если в конце 30 – первой половине 40-х годов идеи сословной неприкосновенности и иерархической кастовости, получавшие выражение в творчестве Соллогуба той поры, ещё не вступали в резкое противоречие с “духом времени”, то со второй половины 40-х годов либеральная позиция писателя представлялась уже консервативной и не-

приемлемой, с точки зрения радикально настроенной части образованного общества» [Ермоленко, Валек, 2013, с. 9].

Вслед за резким взлётом в 40-е годы популярности и надежд на дальнейшее развитие таланта В. А. Соллогуба, начиная с 50-х годов меняются идейные и литературные предпочтения писателя. «... Чувствуя это, современники начинают воспринимать сочинения Соллогуба, затрагивающие общественные вопросы, как далёкие от запросов времени и, как следствие, не представляющие эстетической ценности. Каждая новая попытка писателя создать произведение, отвечающее потребностям времени, оказывалась обречённой на неуспех» [Там же, с. 9-10].

В 60-70-е годы В. А. Соллогуб практически уходит из литературы, с большой ответственностью выполняя обязанности председателя комиссии по преобразованию тюрем в России. В 80-е годы В. А. Соллогуб входит с репутацией забытого писателя, и уже мало кто помнит о его успехе 40-х годов. Попытаемся проследить механизм формирования (факторы) литературной репутации В. А. Соллогуба, сложившейся в 80-е годы XIX века.

1. Произведения самого автора

Вплоть до конца жизни (1882) В. А. Соллогуб ничего не пишет и не публикует. Однако в 1885 году, после смерти автора, в нескольких номерах журнала «Новь» было опубликовано последнее, неизвестное ранее произведение писателя – роман «Через край» – та самая большая жанровая форма, о написании которой всю жизнь мечтал В. А. Соллогуб. По мнению редакции журнала, учитывающей пометки на рукописи («Париж. Апрель 1880 года» и «Ялта. Июнь 1881 года»), роман был завершён в 1880 году, последние правки внесены в 1881 году. Так почему же писатель, всю жизнь шедший к этому, не отдаёт в печать реализацию своего давнего замысла?

Осмелимся предположить, что объяснением данному факту может послужить несколько причин:

- *Ощущение кризиса романного жанра.* В литературоведении традиционным является мнение, согласно которому в 80-е годы XIX века положение романа в системе жанров русской прозы резко меняется. Это связано с происходящим в России переломом. Всё более и более нараставшее обострение социальных противоречий приводит к серьёзнейшему кризису в

жизни общества. Литература, которая должна мгновенно откликаться на происходящие события, также претерпевает изменения: роман более не способен отображать «поиски всеобщей связи явлений» (Н. Л. Лейдерман). Все связи разорваны, поэтому русский классический роман, который изображал человека в его разнообразных отношениях с миром, уходит на второй план. Характерной особенностью 80-х годов становится широкое использование малых жанровых форм (рассказ, новелла, очерк, повесть). Однако, по мнению С. И. Ермоленко, «вряд ли будет справедливым говорить об “исчезновении”, “угасании” жанра романа в 80-годы. Роман не перестаёт осознаваться как важнейший жанр литературы, однако в интересующий нас период он перестаёт быть господствующим жанром, “формой времени”» [Ермоленко, 2015, с. 38].

- *Страх общественной оценки.* Произведения В. А. Соллогуба, публикуемые после 1840-х годов, зачастую подвергались нелицеприятной критике современников, ироническому пародированию. Писатель уже в 60-е годы очень остро ощущал изменение отношения общества к своей личности и творчеству. В письме В. А. Соллогуба А. А. Краевскому (11 сентября 1865 г.) читаем: «Давно доходят до меня слухи, что вы относитесь ко мне враждебно и весьма ко мне не благоволите. А почему бы это, ума не приложу. <...> Впрочем, в нашей журналистике давно вошло в моду отзываться обо мне как о каком-то безграмотном бариче, идиоте, доносчике и т. п. – Потешилась молодежь. – Пускай себе. – В обществе для пособия бедным Литераторам меня забаллотировали. – Это меня огорчило, как всякое незаслуженное оскорбление» [Соллогуб [http](http://)].

- *Страх публикации личного.* Данное обстоятельство, пожалуй, можно назвать главной причиной того, что роман В. А. Соллогуба не был опубликован при жизни автора. «Через край» – произведение, в котором художественно воссоздаются некоторые детали, моменты биографического характера. К примеру, Е. И. Кийко утверждает: «Соллогуб написал в это время роман “Через край”, посвящённый истории своей вторичной женитьбы» [Кийко, 1962, с. 14]. Однако, на наш взгляд, наиболее важно, что именно в этом, последнем произведении оконча-

тельное воплощение получает сквозной герой творчества В. А. Соллогуба, за которым в литературоведении закрепилось определение «добрый, но безвольный малый». В романе «Через край» данный тип модифицируется. Писатель, ощущая свою забытость, «ненужность» в литературном сообществе, показывает во многом близкого ему героя – *лишнего* человека с психологическим комплексом кающегося дворянина.

2. *Отзывы критиков и литературоведов*

Роман «Через край» (единственное произведение В. А. Соллогуба 80-х годов) опубликован, а значит, следуя терминологии Ю. Н. Тынянова, его можно назвать «литературным фактом». Однако в истории литературы этого произведения словно бы и не существовало. Роман не удостоился ни единого отзыва, ни даже какого бы то ни было (пускай негативного) упоминания. Чем объяснить данное явление? «Через край» В. А. Соллогуба не был принят? Не понят? Роман не выдерживал критики с художественной, эстетической точки зрения? Выходит, несмотря на публикацию, роман В. А. Соллогуба как будто бы и не стал «литературным фактом». Соответственно о данном факторе формирования литературной репутации говорить не приходится.

3. *Позиция автора в обществе*

Несмотря на происходящие в обществе коренные изменения, не наблюдается внутренних перемен в самом В. А. Соллогубе. В тот период, когда, например, писатель с тем же статусом графа Л. Н. Толстой порывает со своим классом, В. А. Соллогуб этого не делает. Не отказываясь от сословных привилегий, писатель по-прежнему носит графский титул и является отнюдь не последним человеком в окружении государя. Либерально-аристократические взгляды писателя идут вразрез с настроением, господствующим в обществе.

4. *Рыночный успех книг*

Роман «Через край» после публикации в нескольких выпусках отнюдь не самого популярного и представительного журнала «Новь» больше ни разу не переиздавался и, будучи незаслуженно забытым, представляет библиографическую редкость. Соответственно не представляется возможным говорить о рыночном успехе творчества писателя в данный период.

Таким образом, отмеченные факторы наглядно свидетельствуют о том, что в 80-е годы XIX века у В. А. Соллогуба формируется репутация «забытого писателя». В 1840-е годы он – буквально «обласканный» критикой, кругом В. Г. Белинского, писатель № 4 (после А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя), в 1850-1860-е годы – автор, теряющий свою былую популярность, в 1870-1880-е годы – уже прочно забытый писатель, и его последний роман не интересует ни читателей, ни критику.

Изучение произведений «забытых» авторов является в полной мере научной проблемой. «Русская литература, – пишет С. И. Ермоленко, – столь богата вершинными достижениями, что мы позволяем себе “забывать” произведения писателей так называемого “второго ряда” (хотя порой их отнесённость к этому “ряду” может быть, по меньшей мере, спорной)» [Ермоленко, 2014, с. 5]. Изучение произведений «забытых» писателей, чья «муравьиная работа», по выражению А. Г. Горнфельда, не была бесплодной, необходимо для понимания историко-литературного процесса во всей его сложности, для воссоздания «истории того или иного жанра, к которому они относятся» [Там же, с. 6].

Литература

Белинский В. Г. На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни. Сочинение графа В. А. Соллогуба // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. – С. 153-158.

Белинский В. Г. Тарантас. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 9. – С. 7-8.

Гоголь Н. В. Соллогубу В. А. // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 8. – С. 229-230.

Ермоленко С. И. Литература «второго ряда» и становление русского психологического романа // Уральский филологический вестник. Русская классика: динамика художественных систем. – 2014. – Вып. 3. – С. 5-23.

Ермоленко С. И. Роман в русской литературе 80-х гг. XIX века: к проблеме «кризиса» жанра // Филологический класс. – 2015. – Вып. 3 (41). – С. 36-40.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. – Екатеринбург, 2013. – 253 с.

Кийко Е. И. В. А. Соллогуб // Соллогуб В. А. Повести и рассказы. – М.; Л.: ГИХЛ, 1962. – С. 3-14.

Киреевский И. В. «На сон грядущий. Отрывки из вседневной жизни». Сочинение графа В. А. Соллогуба // Киреевский И. В. Избранные статьи. – М.: Современник, 1984. – С. 183.

Лотман Л. М. Проза сороковых годов // История русской литературы / отв. ред. Б. П. Городецкий. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1955. – Т. VII. – С. 511-570.

Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 365-376.

Луцевич Л. Ф. Авторцепция как попытка формирования литературной репутации в «Авторской исповеди» Николая Гоголя // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. XIII Гоголевские чтения / под ред. В. П. Викуловой. – М.: Новосибирский издательский дом, 2013. – С. 176-184.

Машковцева Л. Ф. Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. – Екатеринбург: Институт современных технологий управления, 2012. – Вып. 2. – С. 174-176.

Некрасов Н. А. «На сон грядущий» В. Соллогуба // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Л.: Наука, 1989. – Т. 11. – С. 105-108.

Некрасов Н. А. «Гарантас. Путевые впечатления» В. Соллогуба // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Л.: Наука, 1989. – Т. 11. – С. 195-205.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. – М.: НЛО, 2001. – С. 51-69.

Розанов И. Н. Литературные репутации. – М.: Сов. писатель, 1990. – 464 с.

Соллогуб В. А. А. А. Краевскому. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_0250.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 255-270.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1975. – Т. 2. – 584 с.

Чупринин С. И. Репутация литературная // Чупринин С. И. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня. – М.: Время, 2007. – С. 498-500. – Режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/11691> (дата обращения: 01.03.2019).